

Линь Цюн: ...

— Разве ты вчера не задерживался на работе?

Фу Синюнь устремил на него взгляд, полный упрёка. Его глаза, словно змеиные жала, неотрывно впивались в собеседника, будто вот-вот сомкнутся вокруг горла жертвы.

Затем он бросил взгляд на фотографию в телефоне.

— Не хочешь объяснить?

Линь Цюн: ...

Не смотри. Я ещё не придумал.

Под его всё более мрачным взглядом Линь Цюну почудилось, будто перед ним стоит проводник в мир мёртвых.

— Пусть я тебя и обманул, но ты должен знать — ты единственный, кого я люблю.

— Между нами совсем не то, что ты подумал.

Фу Синюнь ехидно переспросил:

— А что именно я «подумал»?

— Ну... сидели под одеялом, разговаривали.

...

Линь Цюн нервно сглотнул, а затем решил пойти по пути чистосердечного признания:

— Это фотограф, который делает тестовые снимки для нашей съёмочной группы.

Фу Синюнь холодно спросил:

— И какие у вас отношения?

Услышав это, Линь Цюн слегка отвернулся, не в силах смотреть в глаза.

— Лучше не спрашивай...

Вид его виноватого выражения мгновенно остудил сердце Фу Синюня.

— Какие у вас отношения?! — ещё холоднее повторил мужчина.

Линь Цюн вздохнул, будто смирившись с судьбой.

Фу Синюнь лишь усмехнулся про себя, наблюдая, как тот покорно готов принять любую участь.

И в следующий миг Линь Цюн капитулировал с унижительным признанием:

— Мы с ним... сёстры.

...

В воздухе снова повисло молчание.

Фу Синюнь пристально смотрел на него.

Черт возьми,

он на мгновение и вправду поверил.

— Думаешь, я в это поверю? — спросил Фу Синюнь.

Линь Цюн с недоумением посмотрел на него, затем ответил:

— А почему бы и нет?

...

Фу Синюнь нахмурился:

— Ты что, «задерживался на работе» в закрытом клубе?

Линь Цюн, потупив взгляд, виновато теребил край своей одежды, украдкой взглянул на собеседника и тут же снова опустил глаза, покорно признавая вину:

— Прости... Мне не стоило тебя обманывать.

Фу Синюнь нахмурился:

— Говори нормально.

Линь Цюн растерянно: ?

Мужчина ледяным взглядом окинул его:

— Хватит миндальничать.

...

— Я не сказал тебе о клубе, потому что боялся, что ты расстроишься. Я не хотел тебя обманывать, и уж тем более не изменял! Мы с тем фотографом просто друзья.

— Клянусь небом, между нами абсолютно ничего не было... — Линь Цюн поднял три пальца в клятве, затем неуверенно добавил: — ...сестринские чувства.

Фу Синюнь скрестил руки на груди и смерил его взглядом:

— И почему я должен тебе верить?

Линь Цюн нахмурился, приняв серьезный вид:

— Если я вру, то пусть мой мужчина станет собакой!

...

Клятва звучала поистине беспощадно.

Боясь, что ему не поверят, Линь Цюн продолжил:

— Если я что-то делаю, то либо не делаю вовсе, либо делаю на высшем уровне.

Фу Синюнь: — А если не получается сделать хорошо?

— Тогда не делаю.

... Фу Синюнь поднял на него взгляд: — К чему ты ведешь?

Линь Цюн с невозмутимой серьезностью заявил:

— Если бы у меня завелась «собака» на стороне, ты бы точно об этом не узнал.

Фу Синюнь: ...

Видя, что выражение лица собеседника стало еще мрачнее, Линь Цюн поспешно продолжил объяснять:

— Вот видишь, значит ты точно не та «собака», что у меня на стороне!

...

Линь Цюн вдруг запнулся, словно язык его заплелся в узлы. Объяснение выходило совсем неубедительным.

Тогда он перешел к краткому и ясному:

— У меня есть только ты один... то есть, я хотел сказать — только ты один человек.

Фу Синюнь мрачно спросил:

— Тогда как объяснить эту фотографию?

Линь Цюн, чувствуя свою правоту, ответил уверенно:

— Это просто фотография, ничего больше.

Фу Синюнь:

— Этот парень известен в наших кругах как гей. Его ориентация — мужчины.

Линь Цюн с невинным видом:

— Я знаю.

Фу Синюнь нахмурился.

Линь Цюн:

— Ну а как же иначе мы стали бы «сёстрами»?

...

Линь Цюн, всеми силами пытаясь доказать свою невиновность, продолжил:

— Если не веришь, я могу прямо сейчас ему позвонить.

Фу Синюнь в ответ лишь презрительно приподнял подбородок.

Линь Цюн, понимая его молчаливое согласие, достал телефон и набрал номер.

Трубку подняли почти сразу:

— Сюнчжан!*

У Линь Цюна мгновенно пробежали мурашки по коже. Он бросил взгляд на помрачневшее лицо Фу Синюня и спросил:

— Ты сейчас занят?

Фотограф-мачо тут же ответил:

— Ни капли! Сюнчжан, что-то случилось?

Линь Цюн почесал затылок:

— Да ничего особенного, просто хотел кое-что у тебя спросить.

Он украдкой взглянул на Фу Синюня, затем выдавил из себя:

— У тебя... сейчас есть парень?

Фотограф-мачо:

— Нет, а что?

Тут до него будто дошло:

— Сюнчжан, ты же не...

У сидящего рядом Фу Синюня дёрнулась бровь, он уже открыл рот, но из трубки раздалось:

— Хочешь меня с кем-то познакомить?! Так я и знал, что мы настоящие сёстры!

Фу Синюнь: ...

Линь Цюн: ...

Едва собеседник закончил фразу, Линь Цюн обиженно надул губы, смотря на Фу Синюня — так, что, казалось, можно было ведро повесить.

На его лице появилось выражение несправедливо обиженного человека, а взгляд прямо-таки осуждающе буравил собеседника.

Вот видишь! Мы невиновны.

Линь Цюн с легким смущением произнес:

— Пока кандидатов нет, но я буду иметь тебя в виду.

Фотограф-мачо не стал развивать тему, а вместо этого заботливо поинтересовался:

— Сюнчжан, тебе вчера понравилось?

Теперь, когда груз свалился с плеч, Линь Цюн обмяк, словно желе, и развалился на столе.

— Да, было здорово.

Фотограф-мачо:

— Главное, что тебе понравилось. Я знаю еще одно классное место — в следующий раз свожу тебя.

Линь Цюн расслабленно буркнул:

— Да ну?

— Ну конечно же! Всё самое хорошее надо делить с друзьями, — голос фотографа-мачо внезапно приобрел кокетливую нотку. — Там полно мужчин.

?..

До этого момента расслабленное тело Линь Цюна вдруг одеревенело.

Но на том конце провода продолжали:

— Сможем вдоволь налюбоваться.

Линь Цюн: !!!

Не дожидаясь продолжения, Линь Цюн механически положил трубку.

Его обиженно надутые губы, на которых ещё недавно можно было ведро повесить, теперь плотно сжались в тонкую линию.

Линь Цюн нервно захихикал и произнёс:

— Ну вот видишь! Я же говорил, что между нами ничего не было.

Фу Синюнь с ледяным безразличием наблюдал за его лепетом.

— «Классное место», говоришь?

Линь Цюн: ...

— «Мужчин полно, налюбуеться досыта»?

Линь Цюн сглотнул и слабо возразил:

— Это всё неважно...

— А что тогда важно?

Линь Цюн «вытер» несуществующую слезу с ресниц и драматично воскликнул:

— Важно то, что ты усомнился в моей непоколебимой любви к тебе!

— ...

Фу Синюнь явно не ожидал, что собеседник повернет ситуацию против него самого.

Он попытался вернуть разговор в конструктивное русло:

— Ты ходил в закрытый клуб.

Линь Цюн с трагическим видом:

— Ты мне не веришь.

— Ты разглядывал там посторонних мужчин.

— Ты мне не веришь.

— Ты... — не успел мужчина договорить, как Линь Цюн привычным жестом подхватил:

— Ты мне не веришь.

И, наконец, с пафосом заключил:

— Я извожусь по тебе день и ночь, а ты не только не скучаешь, но ещё и подозреваешь меня!

У Фу Синюня дёрнулся глаз.

— Ну и чего ты хочешь? — спросил Фу Синюнь.

Линь Цюн многозначительно посмотрел на него:

— Ты уже понял свою ошибку?

Фу Синюнь: «...»

— Ты ведь сомневался...

Под его пристальным взглядом мужчина сквозь зубы выдавил:

— Понял.

Фу Синюнь и сам не понимал, почему снова оказался в дураках перед Линь Цюном.

Только тогда Линь Цюн наконец улыбнулся и снисходительно промолвил:

— Раз понял, то и ладно. Но я тоже был неправ — не стоило тебе лгать. Теперь мы квиты.

Фу Синюнь молча взглянул на него. Линь Цюн, закусив губу в улыбке, подошёл ближе:

— Ну прости меня в этот раз, ладно?

С этими словами он, словно поросёнок, тыкающийся мордочкой в кочан капусты, толкнул собеседника плечом.

Фу Синюнь равнодушно бросил:

— Только в этот раз.

Линь Цюн охотно согласился:

— Ладно.

Фу Синюнь пристально посмотрел на него:

— А если повторится?

Линь Цюн:

— Тогда разберёмся в следующий раз.

...

Признать ошибки и упорно не исправляться — настоящий талант.

Фу Синюнь слегка покачнулся от толчка Линь Цюна. Они стояли так близко, что незнакомый аромат от одежды собеседника явственно ощущался.

Фу Синюнь нахмурился:

— От тебя пахнет его парфюмом.

Линь Цюн с фальшивой невинностью:

— Это твой нос совершил преступление.

Фу Синюнь:

— То есть я виноват?

Линь Цюн поспешно:

— Нет, я.

Он наклонился, чтобы понюхать свою одежду. Да, это действительно был аромат того фотографа-мачо — должно быть, остался с утра, когда они прощались.

Убедившись, что Фу Синюнь более-менее успокоился, Линь Цюн наконец сообщил:

— Я привёз тебе кое-что.

— Что именно? — спросил Фу Синюнь.

Вместо ответа Линь Цюн загадочно улыбнулся, подтолкнул его из кабинета к лифту, и они спустились в ресторанную зону.

Увидев предмет на столе, Фу Синюнь недоверчиво переспросил:

— Тыква?

— Манго, — поправил Линь Цюн.

...

Фу Синюнь разглядывал фрукт неестественных размеров:

— И зачем ты это притащил?

Линь Цюн смущённо улыбнулся, почесал затылок, чувствуя себя провинциалом:

— Вчера в клубе я пробовал фруктовую тарелку. Манго было таким сладким, что я захотел привезти тебе попробовать. Спросил у обслуживающего персонала, можно ли купить — и, представь, они продали мне целый плод!

Фу Синюнь на мгновение замер, но тут же восстановил бесстрастное выражение лица.

На секунду ему показалось, будто Линь Цюн и вправду когда-то согласился на брак по расчёту из-за любви.

Линь Цюн постучал по манго, как по арбузу:

— Тааакой тяжёлый! Всю дорогу нёс его на руках, будто беременный.

Он даже продемонстрировал позу, в которой «вынашивал» фрукт.

Фу Синюнь сухо заключил:

— В следующий раз не утруждай себя подарками.

Линь Цюн посмотрел то на него, то на манго:

— Тебе не нравится?

Заметив лёгкую растерянность на его лице, Фу Синюнь ответил:

— Нравится.

Только тогда лицо Линь Цюна снова озарилось улыбкой:

— Раз нравится, значит, всё хорошо!

С этими словами он, обхватив огромное манго, направился на кухню. Фу Синюнь невольно повернул инвалидное кресло и, словно замороженный, последовал за ним.

Глядя на его спину, склонившуюся над кухонной столешницей, он вдруг позвал:

— Линь Цюн.

Линь Цюн, только что завязавший фартук, обернулся:

— Что-то не так?

Его мягкие черты лица и ясные, словно говорящие глаза вопрошающе смотрели на Фу Синюня.

Фу Синюнь спросил:

— Ты знаешь обо мне всё?

Линь Цюн с недоумением посмотрел на него.

— Ты знаешь, что меня лишили полномочий в компании?

— Конечно.

— Ты знаешь, что я парализован ниже пояса?

— Естественно.

— Тогда почему ты согласился на этот брак? — спросил Фу Синюнь.

Линь Цюн, казалось, искренне не понимал:

— А разве нужна причина? Конечно, потому что ты мне нравился.

Разве в этом мире бывают люди, которые не любят деньги? — пронеслось у него в голове.

Пальцы Фу Синюня нервно сжались:

— Но ты же прекрасно знал, что я к тебе ничего не испытываю.

Линь Цюн спокойно ответил:

— В тот момент я руководствовался одной истиной.

— И какой же?

— «Насильно мил не будешь», — произнёс Линь Цюн.

Фу Синюнь: ?

Но в следующее мгновение молодой человек добавил:

— «Зато утоляет жажду».

...

С этими словами Линь Цюн повернулся обратно к разделке манго.

Фу Синюнь, не отрывая от него взгляда, спросил:

— Ты вообще задумывался, что будет, если после свадьбы я стану плохо к тебе относиться?

Линь Цюн на секунду задумался, затем, встретившись с ним глазами, невозмутимо ответил:

— Тогда не обижайся, если сосед Лао Ван начнёт ко мне хорошо относиться.

Примечания:

Игра слов с «собакой»

*В китайском сленге (собака) в этом контексте означает любовника.

*(gege) — оставлено как «Сюнчжан» - прямой перевод «старший брат» потерял бы игриво-кокетливый подтекст.

*«сосед (может употребляться “соседский”) Лао Ван» — Это устойчивый китайский мем о «любовнике за стенкой».

<http://bllate.org/book/12640/1121112>